

С. А. Пинчук

Тайная миссия капитана А. Хрисовери: к истории национально-освободительного движения греков в период Крымской войны

Аннотация: статья посвящена истории греко-русских связей в период Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. На примере малоизвестного эпизода — визита греческой делегации во главе с А. Хрисовери в Санкт-Петербург зимой 1854 г. — показана официальная позиция России в отношении христианских народов и национально-освободительного движения на Балканах. Приводятся ранее неизвестные данные о подготовке греческого восстания в Эпире, Фессалии и Македонии (1854).

Ключевые слова: история, Крымская (Восточная) война, греко-русские связи, тайные общества, восстание, национально-освободительное движение, Балканы, А. Хрисовери, «Фрако-болгаро-сербский союз», «Братство благовещенных».

В тексте «Восточной войны» А. М. Зайончковского мы находим крайне любопытное упоминание о том, что «партия гетерии¹ хотела даже послать в Петербург особого делегата»². Фраза, на которую он ссылается, содержалась в депеше русского поверенного в Афинах И. Э. Персиани государственному канцлеру К. В. Нессельроде от 18 сентября 1853 г.³ Современная же отечественная историография придерживается такой точки зрения: правительство предпочитало «уклоняться от прямых контактов» с представителями освободительных организаций, они «находили весьма холодный прием у царских генералов и дипломатов»⁴. Мы попытаемся разгадать эту историческую загадку, что позволит по-новому посмотреть на действия русского правительства в отношении национально-освободительного движения на Балканах.

Внешнеполитической разведкой и сбором информации о появлении подозрительных иностранцев в России занималась Первая экспедиция III Отделения. Она фиксировала донесения зарубежной агентуры и данные, поступавшие от многочисленных карантинных постов и пограничной стражи. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в фонде III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее: III отделение) (1826–1880) имеется дело «О восстании греков против Турции и о приверженности их к России» с подзаголовком «О приезжающих в С. Петербург греческих офицерах: Хрисовери, Цанис, Пасхали и Петропулос». Пометы «секретно» и «секретно, весьма нужное» на документах свидетельствуют о степени важности этой информации для чиновников политического сыска и Военного министерства⁵.

Дело открывала служебная записка военного министра В. А. Долгорукова на имя начальника III Отделения графа А. Ф. Орлова. В ней шла речь о скорейшем «доставлении» в Санкт-Петербург прибывших в Одессу четырех греческих офицеров «с бумагами для представления Его Величеству». С «монаршим повелением» был ознакомлен и государственный канцлер К. В. Нессельроде. Выяснилось, что в канун 1854 г. русское судно «Святой Дмитрий» пришвартовалось к Карантинному молу Одессы. Находившиеся на нем греки потребовали личной встречи с капита-

¹ Гетерия (от греч. ἑταῖρια — союз, товарищество) — в новейшей греческой истории названия двух политических организаций, сыгравших большую роль в борьбе греков за освобождение от турецкого ига. См: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VIII А (16): Германия — Го. СПб., 1893. С. 598–599.

² Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. II. Ч. 1. СПб., 1913. С. 639–640.

³ Персиани — канцлеру 18 сентября 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, 1853 г., карт. А. // Там же; Персиани Иван Эмануилович (1790–1888) — русский поверенный в делах в Афинах с 11 ноября 1843 г. по 9 января 1857 г.

⁴ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990. С. 289.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 29. Д. 21. Ч. 1. Л. 1–3: О восстании греков против Турции и о приверженности их к России.

ном одесского порта. Через переводчика они сообщили, что являются «офицерами греческой службы и депутатами греческого народа» и следуют в Санкт-Петербург для представления императору имеющихся у них бумаг.

Исполнявший обязанности Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора П. И. Федоров⁶ предписал Одесскому карантину принять офицеров «для выдержания установленного 14-дневного карантина и для очищения имеющихся у них бумаг и вещей» и представил в Петербург на имя военного министра рапорт, где были указаны их имена: капитан Аристид Хрисовери, Яни Цанис, Лефторий Пасхали и Алако Петропулис. Первый из них прибыл в Россию под именем Анастасия Савы⁷.

Нарочный из Одессы быстро доставил бумагу в Санкт-Петербург, и уже 9 января 1854 г. Николай I приказал немедленно доставать «поименованных» греков в столицу, где «препроводить их в 3-ье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии»⁸. Император проявил особый интерес к визиту таинственной делегации: «Сегодня государь-император изволил спрашивать меня, почему сии офицеры по ныне не прибыли в Санкт-Петербург?» — сообщал военному министру начальник штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельт в секретном письме от 2 февраля 1854 г. На следующий день, 3 февраля, он доложил министру, что «ожидаемых здесь греческих офицеров» в дороге видели «некоторые лица», ранее приехавшие в Петербург⁹. Интерес к появлению неофициальных греческих гостей со стороны царя и его ближайших подчиненных объясним: с осени 1853 г. высшее политическое и военное руководство Российской империи прорабатывало сценарии вовлечения балканских христиан в военные действия на Дунайском театре. «Страшным оружием» для турок должно было стать влияние России «на христианские племена в Турции» и создание ополчения из балканских славян. Такая мера, по словам главнокомандующего на юго-западных границах России генерала-фельдмаршала И. Ф. Паскевича, «могла бы сделаться началом распада Турецкой империи». Пользуясь своим ис-

ключительным влиянием на императора, он подал ему в 1853 г. ряд докладных записок. В одной из них Паскевич недвусмысленно поставил вопрос: «Если это правда (т. е. что греки готовят восстание. — С. П.), то в случае серьезной наступательной войны против Турции, почему бы нам сим не воспользоваться? Почему не пригласить греков действовать с нами заодно и даже почему не обещать им каких-либо округляющих Грецию провинций? Греция от того сильнее не будет, а нам сие может быть полезно тем, что отвлечет горных пашей, которые в случае похода к Адрианополу были бы у нас во фланге, а потом и в тылу»¹⁰. На основе кадровых войск придунайских княжеств Паскевич предполагал вооружить ополчение из балканских и дунайских христиан, чтобы использовать его во время активной фазы войны с Османской империей. «Выбрав затем из них болгар, сербов и греков, составить из них отдельные роты или команды и распустить за Дунаем прокламации, приглашая всех христиан... присоединиться к составившимся уже ополчениям болгар или сербов, или греков; объявив притом, что каждому явившемуся воину дано будет оружие, порох, провиант и деньги, платимые помесечно»¹¹. Россия же получала существенную экономию средств, «сберегая русскую кровь»¹². Рассматривался вопрос и о том, как спровоцировать южных славян и греков на вооруженные выступления, что неминуемо должно было вызвать жесткую реакцию со стороны турок и повлечь за собой массовую резню христиан: «К тому ныне присокупить должно, что, чем сильнее возбужден будет фанатизм мусульман, тем легче побудить и христиан к вооружению, хотя бы для их собственного сохранения»¹³.

В более обтекаемых формулировках о необходимости «возбудить восстание православных племен» сигнализировал царю и военному министру командующий русскими войсками в Придунайских княжествах князь М. Д. Горчаков¹⁴.

¹⁰ Цит. по: Зайончковский А. М. Восточная война... Т. II. Ч. 1. С. 628–629.

¹¹ Всеподданнейшая записка князя Варшавского, представленная государю императору в Варшаве 11 сентября 1853 г. Цит. по: Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Т. II. Приложения. СПб., 1912. Приложение № 40. С. 102–103.

¹² Письмо кн. Паскевича императору Николаю Павловичу. Варшава, 14 ноября 1853 г. // Война России с Турцией в 1838–1854 гг. Планы и предначертания о войне; донесения и записки кн. Паскевича и кн. М. Д. Горчакова. Русская старина. Т. XVII. 1876. Вып. 9–12. С. 145–146.

¹³ Всеподданнейшая записка князя Варшавского, представленная государю императору в Варшаве 11 сентября 1853 г. Цит. по: Зайончковский А. М. Восточная война... Т. II. С. 103.

¹⁴ Предположение кн. М. Д. Горчакова о военных действиях в Европейской Турции в 1854 году // Война России с Турцией...

⁶ Федоров Павел Иванович (1791–1855) — генерал от инфантерии, Николаевский, Севастопольский и Бессарабский военный губернатор, сенатор. В отсутствие Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора 4 раза временно исполнял его должность, в том числе с 1845 по 1854 гг. См.: Макидонов А. В. К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). Запорожье, 2008. С. 13.

⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 29. Д. 21. Ч. 1. Там же.

⁸ Там же. Л. 3–4.

⁹ Там же.

Прибывшие к нему в Бухарест представители греческой диаспоры просили помощи для организации восстания, но даже сама мысль о восстании без соизволения на то самодержца и вопреки заранее проработанному плану «трех эпох» вызывала трепет у чиновника Горчакова: «Кажется, что подобного восстания, теперь поощрять еще рано, потому что Вы изволите полагать, что время для воззвания от России к единоверным племенам должно последовать только в исходе будущего года. Притом, в настоящее время восстание этерии на юге — и против воли греческого правительства — могло бы иметь последствием занятие Греции или турками, или англичанами, или французами»¹⁵.

В правительстве лишь Нессельроде последовательно противился прямому вмешательству в греческие дела. В докладной записке государю, касаясь ситуации в Греции и возможного образа действий в связи с Восточным кризисом, он предлагал поддерживать революционный порыв греков «определенными денежными жертвами» и направлением на Балканы неофициального агента с секретными инструкциями¹⁶.

Анализ переписки Николая I и его ближайших сподвижников, относящейся к 1853 г., убеждает в том, что большая часть военно-тактических планов увязывалась с возникновением массовых волнений христиан в Османской порте и с превентивными действиями. На нижнем Дунае планировался вспомогательный удар. Стратеги из Зимнего дворца, Варшавы и Бухареста собирались осуществить «дерзкий десант» на берега Босфора силами 13-й и 14-й дивизий, а от похода за Балканы решили отказаться из-за намерения Франции и Англии вступить в войну. Маленькая «победоносная» война должна была привести к капитуляции Турции на выгодных для России условиях, установлению российского протектората над Дунайскими княжествами, упрочению ее экономических позиций на Черном и Средиземном морях, ослаблению внешнего социокультурного доминирования османов на Балканах. Царь не собирался окончательно «ниспровергать Турецкую империю» и способствовать освобождению ее христианских подданных — греков, сербов и болгар. В лучшем случае им была уготовано полуавтономное существование. «Намерения императора в плане поддержания мира

на Востоке не изменились... он желает сохранения Османской империи, заботясь в то же время о поддержке прав христиан и привилегий церкви», — сообщалось в письме российского МИДа афинскому двору¹⁷.

С военно-политической точки зрения давнее стремление угнетенных народов Османской империи к независимости являлось на тот момент действенным инструментом в борьбе против турок, особенно с учетом этнического и религиозного факторов. Паскевич аргументировал свою позицию так: «До сих пор сербы бывали в войнах поддерживаемы только незначительными частями наших войск; ныне же, когда флотилия, осадная артиллерия и целый корпус войск будут их поддерживать, то не только Видин, но может быть взят и Белград, — и тогда сербы почувствуют возможность быть независимыми от ига турецкого»¹⁸. В собственноручно подготовленной в начале ноября 1853 г. записке о предстоящей войне с Турцией император писал: «Расположение сербов к нам дает мне надежду, что наше появление в крае сем их побудит приняться за оружие и стать с нами и, чем можно действия наши облегчить»¹⁹.

По мнению русского командования, сербы могли стать союзниками России в военных действиях, а к болгарам отношение было скептическим: они «как негры привыкли к рабству», были плохо вооружены. В Санкт-Петербурге пристально следили за развитием ситуации в Греции, имевшей важное стратегическое значение как плацдарм на пути в Малую Азию и Средиземноморье; ее внешняя политика уверенно «дрейфовала» в сторону России. Российские дипломатов сообщали из Афин, что общество в этой стране «совершенно подготовлено к сильному и общему восстанию» и все надежды «на улучшение своей участи связывает с Россией»²⁰. В таком контексте появление таинственной греческой делегации во главе с неким А. Хрисовери воспринималось как подтверждение правильности внешнеполитического курса на подрыв изнутри, силами «пятой колонны», территориальной целостности Османской империи.

4 февраля 1854 г. греков доставили в Санкт-Петербург, разместили в Доме корпуса жандармов

С. 151–154; Петров А. Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 гг. Том II. СПб., 1890. С. 63.

¹⁵ Донесение кн. М. Д. Горчакова императору Николаю Павловичу // Война России с Турцией... С. 162–163.

¹⁶ АВПР. Ф. Главный архив. Д. 29. Л. 69–70: Докладная записка К. В. Нессельроде Николаю I от 10 (22) ноября. 1853 г.

¹⁷ Jomini A. Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, 1852–1856, par un ancien diplomate». Paris, 1874. P. 478.

¹⁸ Всеподданнейшая записка князя Варшавского от 14 (26) ноября 1853 г. // Зайончковский А. М. Восточная война... Т. II: Приложения. Приложение № 128. С. 277–279.

¹⁹ Собственноручная записка императора Николая I о войне с Турцией // Там же. Приложение № 127. С. 275.

²⁰ АВПР. Ф. Канцелярия. 1853. Д. 1. Л. 482; И. Э. Персияни — К. В. Нессельроде 4(16) дек. 1853 г.; Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Т. II. Ч. 2. СПб., 1913. С. 639.

на набережной Мойки, отвезли в дом у Цепного моста (адрес, известный каждому петербуржцу), где располагалась канцелярия III Отделения и где провели первый подробный опрос. В роли переводчика выступал приехавший с греческими офицерами коллежский секретарь Николай Ригана — грек, переводчик одесского таможенного портового карантин²¹ (и одновременно давний штатный осведомитель III Отделения). Общался с греками через переводчика сам Л. В. Дубельт. Часть беседы шла на французском (в конце опросного листа Дубельтом написано: «Хрисовери говорит немного по-французски»²²). В дневнике Дубельт записал, коверкая на свой лад греческие фамилии: «Февраль 4... Приехали из Греции четыре греческие офицера Хрисоварни, Цамис, Пасхали и Петропуло предложить нашему Государю услуги их войск. Его Величество повелел поместить и прилично содержать их в 3-м отделении Собственной Его Величества канцелярии»²³. В опросном листе А. Хрисовери обозначил цель своей поездки: передача «посылки к его величеству императору всероссийскому» и получение, «буде возможность, высочайшие по этому повеление». По его словам, он прибыл в Петербург «по назначению народного греческого общества, именуемого союз “Фрако-булгаро-сербов”». Хрисовери привел краткие сведения о себе и своих спутниках, представителях того же «тайного общества»: Яни Цани, Алеко Петропуло и Елефтерии Пасхали. Двое из них были родом из «Фрако-Болгарии», а третий — «из Румелии». Всего же, как указывал Хрисовери, за ним последовало 8 офицеров. Как и сам Хрисовери, они дезертировали из греческой армии и не имели на руках надлежащих документов для выезда за границу. Секретность их миссии была обусловлена желанием избежать дипломатического скандала в наэлектризованной атмосфере Греции, которая, по словам Хрисовери, постоянно «колеблется иностранною политикой».

7 февраля 1854 г. в 10 часов утра Хрисовери допрашивал шеф жандармов А. Орлов, родной брат декабриста. Понимая, что личной встречи с императором он может не дожидаться, Хрисовери передал

²¹ Николай Антонович Ригана с середины 1840-х гг. числился среди четырех штатных чиновников-переводчиков при Одесском карантинном порте. Трое из них, включая сына первого настоятеля Греческого Свято-Троицкого собора коллежского assessора Константина Родеуса, были греками.

²² О восстании греков против Турции и о приверженности их к России. Ч. 1: О приехавших в С. Петербург греческих офицерах Хрисовери, Цанис, Пасхали и Петропулос (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 29. Д. 21. Ч. 1. Л. 9).

²³ Дубельт Л. В. Дневник 1851 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. [Т.] VI. М., 1995. С. 237.

через приближенного к тому Орлова прошение от «Булгаро-сербского братства», а также знамя и кубок для великого князя Константина Николаевича²⁴. Как явствует из бумаг, замысел греков заключался в восстановлении Византийской империи с возведением на ее престол сына российского императора, формального являвшегося главой греко-русской церкви и признававшегося простыми греками в качестве духовного лидера. По мнению греческих «делегатов», согласие Николая I на то, чтобы его сын, носящий имя последнего императора Византии, возглавил движение, придавало бы мощный импульс предстоящему восстанию в оккупированных греческих и славянских провинциях, способствовало объединению балканских христиан под эгидой российской короны.

В преддверии 400-летней годовщины падения Константинополя идеи о воссоздании Византийской империи циркулировали в греческом обществе: печатались статьи и эссе, распространялись «пророческие» книги блаженного Агафангела и других православных святых, в которых предсказывалось близящееся возрождение Византии с помощью русских²⁵. Теми же настроениями была проникнута и книга Хрисовери «Греческая революция» (1853). Находясь под влиянием текущих политических событий, он искренне верил, что «греческий народ просто обязан стать союзником для мира по всему миру, возрожденная Византийская империя — залог этого»²⁶. Большинство греков в середине XIX в., «подобно их отцам в канун революции 1821 г., осуществление своего национального идеала связывало с политикой России. Огромной толчок этим надеждам дала начавшаяся в 1853 г. новая русско-турецкая война»²⁷.

Пришло время снять тайну завесы с личности главы греческих «делегатов», капитана Аристида Хрисовери, скрывавшегося под псевдонимом Анастасия Савы. Архивные документы и публикации того периода позволяют составить цельный портрет этого незаурядного и деятельного человека, отчасти авантюриста и романтика. Он родился в 1809 г. в старинном фракийском городе Месемврия, детство и юность провел в России, в Одессе, где обучался в Греческом коммерческом училище. В 1826 г., получив документы о незавершенном образовании, выехал на Балканы и

²⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 29. Д. 21. Л. 10–11.

²⁵ Δημήτριος, Καρατζερόπουλος, “Нταν τελικά ο Ρήγας εκδότης του “Αγαθάγγελου”. Εκδοχή Επιστημονικής Εταιρείας Μελέτης Φερών-Βελεστίου-Ρήγα. Αθήνα, 2009. σελ. 7–10.

²⁶ Η Ελληνική Επανάσταση /βιβλίον συνταχθέν υπό Αριστείδου Χρυσοβέργη. — εν Ερμούπολη Σύρου: τύποις Γεωργίου Μελιστάγου Μακεδόνος, 1853. σελ. 62–63.

²⁷ Международные отношения на Балканах. С. 284.

как частное лицо принял участие в борьбе греков против правления османов в партизанском отряде в провинции Этолия. После провозглашения независимости Греции был принят на военную службу. В 1831 г. числился старшиной в 1-м пехотном батальоне, расквартированном в Навплионе²⁸. В 1833 г., пройдя переаттестацию, сдал экзамен и получил вакантную должность младшего офицера. В 1835 г. был осужден по обвинению в покушении на убийство своей невесты. В тюрьме занимался переводами античных авторов и написал философское эссе о злочлечениях осужденных.

В начале 1840-х гг. в его биографии произошли кардинальные перемены. Благодаря протекции влиятельного греческого политика и главы «французской партии» Иоанниса Колеттисам (ее сторонником был и Хрисовери) он был помилован королем и недолгое время даже являлся личным адъютантом Колеттиса, ставшего к тому времени премьер-министром Греции²⁹. Из-за участия в общественной жизни и публикации статей в афинской прессе Хрисовери перевели из 1-й тетрархии Королевской фаланги в 3-й батальон пограничной стражи (орофилаков) в южную Фессалию³⁰.

В 1846 г. (по другим данным, в 1843 г.) вместе с политиком, генералом Хаджи-Христо Даговичем Хрисовери учредил общественно-политическое движение «Фрако-Булгаро-Сербский союз» (в зарубежной историографии его называют «комитетом»). Эта организация отстаивала гражданские права иностранцев («гетерохтонов»), рожденных за пределами Греции. Союз координировал свою деятельность с повстанческими организациями болгар, сербов и других поработанных турками балканских народов. В 1849 г. Хрисовери самостоятельно основал тайное «Братство благовещенных» («Братство благих вестников»), структура которого напоминала одно из первых революционных обществ «Филики Этерию». «Братство» ставило целью освобождение исконно греческих земель от турецкого правления, «почетное и славное возвращение» эллинизма, создание федералистского государства христиан на Балканах под эгидой греков. В рамках «братства» А. Хрисовери в феврале 1851 г. е учредил военную организацию «Батальон бессмертных» для проведения диверсионных

акций против турецких властей на оккупированных греческих территориях³¹.

Анализ документов, связанных с переговорами А. Хрисовери в Санкт-Петербурге, оставляет двойственное ощущение: блефа, неоправданных надежд и несколько наивных представлений о Дворе. Хрисовери приходилось ретушировать в соответствии с текущей политической конъюнктурой декларируемые им политические идеалы, выдвигая на первый план православие и верноподданные монархические чувства. Хрисовери умолчал о «Братстве благовещенных» и, тем более, «Батальоне бессмертных», заявив только о своей принадлежности к официально одобренному «Фрако-болгаро-сербскому союзу». Он ни словом не обмолвился об идеях, изложенных в его книге «Греческая революция»: о «продолжении греческой революции», отличном от западного и российского пути греческого народа, для которого территориальные посягательства Российской империи на Константинополь представляли очевидную угрозу³².

Грезивший о возрождении Византии Хрисовери так и не понял «византийский кесаризм» (К. Леонтьев) реалий царствования Николая I, лукавство его чиновников (относившихся с подозрением ко всему, что было чревато революцией), мучительных колебаний государя относительно курса на конфронтацию с державами Запада³³. При прямой поддержке Россией балканских христиан ставилась под вопрос лояльность миллионов славянских подданных Австрийской империи Габсбургов, что создавало прецедент и для подданных Романовых. А. М. Зайончковский отмечал двойственность политики Николая I, чья приверженность принципам легитимизма подверглась серьезному испытанию в годы Крымской войны. Прекрасно зная, что угодно услышать самодержцу, опытный царедворец А. Орлов по результатам беседы с Хрисовери в рапорте на имя Николая I

³¹ Βασίλειος Σφυρόερας. «Н «Αδελφότης των Ευαγγελιζομένων», μυστική επαναστατική οργάνωση του 1849», Επιστημονική Ελετηρίδα Φιλοσοφικής Σχολής Πανεπιστημίου Αθηνών, 1972–1973. σελ. 211–213.

³² Χρυσοβέργης, Αριστείδης. Η Ελληνική Επανάσταση /Βιβλίον συνταχθέν υπό Αριστείδου Χρυσοβέργη υπολοχαγού. Εν Ερμούπολει Σύρου :Τύποις Γεωργίου Μελισσαγούς Μακεδόνας, 1853. σελ. 84.

³³ Согласно К. Леонтьеву, российскому византизму оказались присущи всеобъемлющий характер, позволивший ему проникнуть во все поры великорусского общественного организма, и способность системы византийских идей упорядочить, организовать «славянский материал» и придать ему цивилизованную оформленность. В работе «Византизм и славянство» (1875) он определил византизм как «прочный синтез монархизма с жесткой иерархией сословий, как сочетание православия с несокрушимой преданностью традициям, как единство духа общности с началами консервативной стабильности» (Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. Великий спор. М., 2001. С. 27–45).

²⁸ Αριστείδης Χρυσοβέργης προς Ιωάννη Καποδίστρια, Ναύπλιο 18.5.1831 Πρωτότυπο Σχ. 37; 241, 248, 257 ΓΑΚ 39.

²⁹ Αριστείδης Χρυσοβέργης προς Ιωάννη Κωλέττη. Ακαδημία Αθηνών–Αρχαιακή συλλογή ΚΕΙΝΕ–Αρχείο Κωλέττη–Αρχείο Ιωάννη Κωλέττη (Τμήμα Ιδρύματος Τοσίτσα)~079~0539.

³⁰ Βασίλειος Σφυρόερας. «Н «Αδελφότης των Ευαγγελιζομένων», μυστική επαναστατική οργάνωση του 1849», Επιστημονική Ελετηρίδα Φιλοσοφικής Σχολής Πανεπιστημίου Αθηνών, 1972–1973. σελ. 215–216.

заклучил: «Намерения их довольно чистосердечны, но едва ли удобоприменительны: противны Вашим правилам. <...> Люди добрые и искренние, но недельные и нельзя им почасть в вину их чистосердечную доброжелательность»³⁴. Взвесив все «за» и «против», император не рискнул лично встретиться с греками (из-за опасений, что это «политические затеи, а может быть и революционные»).

Решение Петербурга было сочетанием прагматики и идеологической догмы. Прагматики, потому что в Зимнем дворце и на Фонтанке верно оценили перспективы греческого восстания в текущей ситуации. С января 1854 г., т. е. с момента появления Хрисовери в России, международные дела, по замечанию царя, «приняли весьма решительный оборот». «Война с Англией и Францией почти что объявлена», поэтому вопрос о поддержке греческого восстания отошел на второй план, выпав из числа приоритетов³⁵. Догмы, потому что в противном случае русскому правительству пришлось бы открыто встать на сторону восставшего народа, что противоречило принципам политики Николая I. Несмотря на некоторые сомнения Орлова («как общие сведения о будущих греческих делах находятся в Министерства иностранных дел, то дальнейших допросов, не благоугодно ли будет поручить тому министерству?»; «...не угодно ли будет передать все военному министру?»), император поручил именно ему выяснить позицию греков: «Полагаю вернее все дело вести у тебя».

Эти действия не дали обнадеживающих результатов, и Орлов также охладил к «греческому проекту». На докладной записке шефа жандармов царь карандашом наложил примечательную резолюцию: «Намерения их могут быть чисты, но неисполнимы; дети мои рождены для службы своего отечества, в подобные же замыслы ни я, никто из них вступать не будем. Иное дело, ежели восстав против турок, ожидают нашей помощи и покровительства; в оном не откажу, ибо помощь эта будет бескорыстна. Объяви им это, прибавя, что не только от одних них поступали ко мне подобные сведения, что я их не принимаю, а отвечаю всем одинако. Что сведения имею, что восстание началось, и что от них зависит, или воротиться через княжества или на Триест, в чем даю им полную свободу»³⁶. Военному министру князю В. Долгорукову, склонному поддержать проект А. Хрисовери, царь рекомендовал «не выпускать вздор».

³⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 29. Д. 21. Ч. 1. Л. 10.

³⁵ Император Николай князю Горчакову 1 февраля 1854 г. // *Зайончковский А. М. Восточная война...* Т. II. Приложения. Приложение № 136. С. 312.

³⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 29. Д. 21. Ч. 1. Л. 14–15.

Интенсивные переговоры с греками длились с 5 по 19 февраля 1854 г. За это время Хрисовери близко познакомился с рядом влиятельных российских чиновников и был, по его словам, «обласкан лицами, служащими Его Императорскому Величеству и удостоенный притом монаршего человеколюбия и благоволения». Среди его собеседников были военный министр В. А. Долгоруков, шеф жандармов А. Ф. Орлов, начальник III Отделения Л. В. Дубельт, товарищ (заместитель) министра иностранных дел Л. Г. Сенявин³⁷, которому царь адресовал для проработки записку «Изложение капитана Аристида Хрисовери о политическом состоянии свободной Греции». Этот факт опровергает тезис об «уклонении» царского правительства от прямых контактов с представителями национально-освободительного движения.

Ответ царя, которого настойчиво добивались греки, просившие передать им «копию с отеческого решения», подвергся политической цензуре со стороны А. Ф. Орлова. 15 февраля 1854 г., выждав почти неделю, он вычеркнул из ответа императора рискованные фразы о «восстании против Турции» и о поддержке подобных планов греков. Редактура не ускользнула от Л. В. Дубельта, отметившего на полях, что эти фразы зачеркнуты «по приказанию графа Орлова». После корректировки текст послания был сообщен Хрисовери при очередной встрече с Орловым.

А. Хрисовери, по-видимому, и не ожидал благоприятного исхода своего прошения, о чем свидетельствует тот факт, что он озвучил Орлову новый план: собрать несколько сотен заговорщиков в Бессарабии и вторгнуться во Фракию. Координировать действия повстанческих отрядов Хрисовери собирался из Валахии, потому просил «повеления к Новороссийскому и Бессарабскому генерал губернатору, равно как и к его сиятельству, князю Горчакову, чтобы я, действуя по священной моей миссии и избегая самого малейшего повода нарушения внутреннего порядка, не встречал в этом препятствия со стороны начальства»³⁸. Кроме того, Хрисовери выразил надежду на назначение от правительства «доверенного лица», с которым бы он «мог бы своевременно и в случае надобности относиться по сему предприятию, для предоставления Ва-

³⁷ Сенявин Лев Григорьевич (1805–1862) — товарищ министра иностранных дел в 1850–1856 гг., сенатор, тайный советник. В 1841–1848 гг. был директором Азиатского департамента МИД. Департамент вел переписку по делам, «касающимся собственно до Азии, а также до областей турецких и Греции». В сферу его деятельности входили политические и торговые отношения с этими странами, вопросы, связанные с пребыванием в них российских подданных и пребыванием в России подданных азиатских стран, Турции и Греции, а также деятельность российских миссий и консульств в этих регионах.

³⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 29. Д. 21. Ч. 1. Л. 29–30.

шему сиятельству некоторых сведений самых верных и точных о ходе в Греции иностранной политики и о предложениях оной, что мне будет сообщаемо членами эллинского народного союза»³⁹.

Хрисовери заранее спланировал свой будущий маршрут. В портах Рени и Измаил его могли подвергнуть таможенному или пограничному досмотру, информация о его появлении тотчас бы стала достоянием турецких агентов, поэтому предпочтительнее было воспользоваться сухопутным путем через Скуляны в Валахию, распределив своих соратников (двух офицеров оставить в Одессе, а одного взять с собой). Продолжить путешествие Хрисовери решил инкогнито под именем Анастасии Саввы, под которым прибыл в Россию.

На новые просьбы Хрисовери Орлов отреагировал уже как опытный бюрократ, предписав дальнейшую судьбу греческого проекта «на соизволение К. Горчакова служить в тех войсках, которые там формируют»⁴⁰. Когда к середине марта 1854 г. Хрисовери доехал до придунайских княжеств, восстание греков в турецких пашалыках⁴¹ было в самом разгаре. В Эпире и Фессалии шли ожесточенные бои, новости об инсургентах⁴² занимали первые полосы европейской и российской прессы. Даже находясь в Валахии, Хрисовери поддерживал связь с заговорщиками из Афин; вся корреспонденция (о настроениях в греческом обществе, общей политической ситуации в стране, действиях восставших, передвижениях англо-французской эскадры в греческих водах) поступала через греческий порт Сира. Хрисовери передавал информацию Орлову, пересылая ему переводы писем вплоть до лета 1854 г.

Сегодня, спустя почти 160 лет, сложно делать выводы относительно мотивов, которыми руководствовался Хрисовери, ведя переписку с всемогущим шефом тайной полиции. Вряд ли стоит записывать капитана в число банальных осведомителей или тайных агентов охраны. Более того, перед отъездом из Санкт-Петербурга он взбунтовался, узнав о назначении сопровождающего в лице жандармского офицера Ланга (в изрядном подпитии тот выболтал грекам цель своего назначения). Связи нужны были обоим: Хрисовери нуждался в поддержке и покровительстве Орлова, а последнему требовались проверенные сведения. Орлов и Дубельт знали, что главнокомандующий 3-го, 4-го и 5-го пехотных корпусов, действовавших на Дунае,

М. Д. Горчаков не располагал надежными источниками информации, через «которых можно бы знать, что делается на правом берегу Дуная», и не раз сетовали на «низкое» качество его агентов⁴³. Знали об этом и турки, чья разведывательная сеть была более «эффективной благодаря сотрудничеству как валахов, так и европейских купцов и дипломатических агентов в Дунайских княжествах»⁴⁴.

Можно предположить, что Хрисовери надеялся склонить А. Ф. Орлова (и через него императора) к поддержке его плана греческого восстания в Восточной Фракии. «Греческое войско состоять будет из 20 тысяч человек... особенно по получению известий о проходе русских за Дунай порыв их усилился, и они даже не хотят допустить, чтобы их братья русские сражались за православие», — писал анонимный корреспондент Хрисовери в письме из Сиры 25 марта 1854 г. В письме от 1 апреля 1854 г. он делал акцент на том, что успех восстания уже близок, оно приняло масштабный и неотвратимый характер: «...восставшие в Эпире и Фессалии христиане везде побеждают турков. До пяти тысяч греков из Мореи идут на помощь восставшим, и объявлено, что настоящее восстание продолжение 1821 г., и так: да здравствует Православие!»⁴⁵. Хрисовери не подозревал о секретной переписке между Горчаковым и Орловым и о том, как сановники интерпретировали решения царя. Свой визит в Санкт-Петербург и уклончивый ответ Николая I он воспринял как одобрение своим замыслам, искренне поверив в особое отношение к себе со стороны высших российских вельмож. В мемуарах, написанных спустя почти четверть века, он без тени сомнения вспоминал, что прибыл в Галац «как командир», назначенный «приказом» министра военных дел, в то время как на самом деле его судьба всецело зависела от «соизволения» князя Горчакова»⁴⁶.

⁴³ «ДЕКАБРЬ 18. У князя Горчакова нет хороших агентов, через которых можно бы знать, что делается на правом берегу Дуная. Для этого он употребляет жителя Бухареста коллежского советника Маврова, способного к делам политическим, а не полицейским, и сверх того, по нашим известиям, Мавров человек не верный и скорее готов помогать туркам, нежели нам. Говорят, что не он агент князя Горчакова, а князь Горчаков его агент в пользу Порты.» (Дубельт Л. В. Дневник 1851 г. С. 228).

⁴⁴ Тарле Е. В. Крымская война. М., 1950. Т. 1. С. 279–280; Керемезли И. Турецкая оборона на Дунайском театре военных действий (1853–1854). С. 275. URL: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Keremezli.pdf>.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 29. Д. 21 Ч. 1. Л. 84–84 об.

⁴⁶ Χρυσοβέργης, Αριστείδης. Ιστορία της ελληνικής λεγεώνας: ολίγα λέξεις περί του σώματος των εθελοντών Ελλήνων και μετά ταύτα ελληνική λεγεών αυτοκράτορος Νικολάου του Πρώτου, ιστορική διήγησις/ συνταχθείσα υπό του συνταγματάρχου του αυτοκρ. στρατού Αριστείδου Χρυσοβέργην. Εν Οδησσώ: 1882. σελ 1–2.

³⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 29. Д. 21. Ч. 1. Л. 29–30.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Пашалык — провинция или область в Османской империи, управлявшаяся пашой.

⁴² Инсургент — повстанец, участник восстания.

Когда Хрисовери и его товарищи появились в России, другие младшие офицеры греческой службы направлялись в качестве эmissаров в хорошо знакомые им турецкие провинции. В январе 1854 г. в Эпире появляется Спиридон Караискакис, сын героя войны за независимость Греции Георгиоса Караискакиса, лейтенант пограничной службы в 9-м батальоне пограничной стражи (как и Хрисовери)⁴⁷. 30 января 1854 г. из «общего эллинского лагеря в Арте» он распространил воззвание о начале «второй греко-турецкой войны», направленной на полное освобождение «родины отцов». Он писал: «Эпир и Фессалия в бурном движении; Македония колеблется, Фракия выжидает; независимая Эллада пышет пламенем и шлет вам на помощь своих героев»⁴⁸. Обратим внимание на многозначительное упоминание о Фракии и Македонии. В январе и даже в начале февраля 1854 г. ничто не предвещало начала восстания в этих провинциях, в отличие от Эпира не подвергавшихся чрезмерному административному и экономическому гнету со стороны турецких властей. Восстание в западной Фессалии вспыхнуло в конце февраля, а Каратассос только 16 апреля 1854 г. вместе с 500 солдатами высадился в Халкидике⁴⁹.

Возникает вопрос: как Караискакис мог заранее знать о событиях, через два-три месяца буквально взорвавших ситуацию в относительно спокойных пашалыках Османской империи, если он действовал на свой страх и риск? Анализ фактов позволяет выдвинуть рабочую гипотезу о подготовке тайными национально-освободительными организациями почвы для более масштабного восстания на Балканах. Их действия носили не спонтанный характер, как нередко утверждается в литературе⁵⁰, а были хорошо спланированы и согласованы по времени.

Сбор денег через революционные комитеты начался с лета 1853 г. — с момента публикации манифеста о занятии Россией придунайских княжеств, т. е. за полгода до восстания⁵¹. «Значительные суммы собраны богатыми греками в разных частях света, и замышленное восстание подготовлено людьми

твердыми и искусными, решившимися посвятить свою жизнь народному делу»⁵². Сбор средств осуществляли помимо Греции: «на Занте, Кефалонии, даже на Корфу, на Самосе учреждены для каждой провинции в Эпире, в Фессалии, Македонии, даже Фракии комитеты, в которых сходятся опытейшие полководцы, значительнейшие и богатейшие старшины для совещаний и распоряжений»; крупную помощь оказывали греческие торговые дома, расположенные в Триесте и в Англии⁵³. Греки, жившие в Лондоне, собрали по подписке в один день 25 тыс. фунтов стерлингов, в Сире — 20 тыс. фунтов стерлингов, сбор пожертвований в плодородной Пелопоннеской области принес до 40 тыс. драхм⁵⁴. К зиме 1853–1854 гг. в банк «для содействия восстанию» было внесено 2 млн. драхм.

Английское правительство через консульства на Балканах и агентурную сеть располагало информацией о заговоре и готовящейся попытке мятежа в турецких провинциях⁵⁵. Во время парламентских слушаний 6 апреля 1854 г. глава Палаты общин Дж. Рассел подчеркнул, что «дипломатические документы, которые были получены нами, обстоятельны и имеют достаточно доказательств того, что восстание в турецких провинциях, граничащих с Грецией не было спонтанным взрывом»⁵⁶. «Составлены комитеты из наших

⁵² The Future of Turkey // The Times. 1854. 18 February.

⁵³ Северная Пчела. 1854. № 56, 57; Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с высочайшего соизволения Н. Путиловым. СПб., 1855. Том 1. С. 371.

⁵⁴ Одесский вестник. 1854. № 30. 18 марта.

⁵⁵ Примечательно донесение главы английского правительства Ионических островов, получившего от своих агентов, «обозревающих Эпир, Албанию, Фессалию и Македонию», информацию о важном заговоре греков: «Кроме обыкновенных гетерий составилось под названием Братства тайное общество, цель которого не только восстановить Византийскую империю, но и возмутить Ионические острова для присоединения их к Греции», — сообщила бельгийская газета L'Independance Belge 8 марта 1854 г. Напомним: среди членов «Братства благовещенных» было трое уроженцев Ионических островов, в том числе один из организаторов восстания против англичан в 1848 г. Георгиос Иоанну Метаксас из Кефалонии. Идеи о воссоздании Византийской империи как о цели новой греческой революции изложены в «Греческой революции» А. Хрисовери. Информация о «Братстве» в бельгийском издании — косвенное указание на активизацию его деятельности в 1853–1854 гг.

⁵⁶ «The diplomatic papers which had been received furnished ample proof that the insurrection in the Turkish provinces bordering on Greece was not a spontaneous outburst — that the part taken in it by Greek subjects was not taken by them spontaneously; that there was not in Greece any very strong sympathy upon the subject; but that the whole of the insurrection had been a contrivance of the Court of Greece—that it had been got up for the purpose of weakening the authority of the Sultan, then in alliance with the King of Greece; and that there was numerous proofs that the King and Queen of Greece had undisguised given the greatest encouragement to this insurrection in the Turkish provinces» (Relations of Turkey and Greece. Question. HC. Deb. 06 April 1854. vol. 132, p. 522).

⁴⁷ Караискакис Спиридон (греч. Καραϊσκάκης Σπυρίδων, 1826–1899) — греческий генерал-майор, политик. После воссоздания греческого государства был послан в Мюнхен со стипендией короля Оттона, в 1842 г. поступил в греческое офицерское училище. Участник восстания 1854 г. в Эпире.

⁴⁸ Русский инвалид. 1854. № 57.

⁴⁹ Reid J. J. Crisis of the Ottoman Empire: prelude to collapse 1839–1878. Stuttgart, 2000. P. 251–252.

⁵⁰ О спонтанности восстания в Эпире, Фессалии и Македонии пишет Б. Елавич: Jelavich B. Russia's Balkan Entanglements, 1806–1914. Cambridge, 1991. P. 137–138.

⁵¹ Манифест от 14 июня 1853 г. // Зайончковский А. М. Восточная война... Т. II. Приложения. Приложение № 27. С. 72.

собратьев, из коих каждый собрал уже и отправил на поле сражений (людей)», — сообщил А. Хрисовери весной 1854 г. из Афин корреспондент, по-видимому, член «Братства благовещенных»⁵⁷.

Греческое восстание в 1854 г. охватило три региона, отделенные друг от друга горными хребтами: Эпир, Фессалию и Македонию⁵⁸. Это как будто не позволяет четко обрисовать общую для всех регионов схему организации и управления повстанческими отрядами, однако в действиях повстанцев прослеживалась определенная стратегия. На первом этапе в регион, в котором заговорщики намеревались поднять восстание, с деньгами и прокламациями направлялись эмиссары, члены тайных революционных организаций и, как правило, местные уроженцы: «...большинство предводителей, достигших освобождения одной части греков и учреждения нового королевства, эмигрировали в Афины, оставив родственников и друзей своих под турецким владычеством и, когда вспыхнула нынешняя война между Россией и Турцией, многие греческие офицеры, подданные короля Оттона, подали в отставку, и ушли поддерживать восставших братьев своих»⁵⁹. Так, эпириот Д. Караискакис был направлен в Арту для организации там восстания. Сын арматола⁶⁰ из Южной Македонии, более известный под уменьшительным именем Цамис⁶¹, высадился на полуострове Халкидики, где попытался пройти маршем по направлению к Фессалоникам. Уроженец Трикалы Х. Хаджипетрос⁶² открыл очередной фронт борьбы с турками в Фессалии, а фракиец А. Хрисовери планировал «вторгнуться чрез Фрако-Булгарию», чтобы соединиться с другими отрядами восставших в южной Фракии для «первого шага». Вероятно, затем предполагалось увязать партизанские

действия с быстрым продвижением русской армии в глубь турецкой территории, как это произошло в русско-турецкую войну 1828–1829 г.

Эту гипотезу подтверждает и тот факт, что очаги восстания вспыхнули в регионах, где остались малочисленные турецкие гарнизоны: основная часть турецких войск (Дунайская армия Омера-паши, 120–130 тыс. человек) была стянута к Дунаю. Можно предположить, что на начальном этапе действия повстанцев координировал греческий генералитет из Афин. Его стратегический замысел заключался в том, чтобы заставить турок вести боевые действия на два фронта: на западе (в труднодоступных Артских горах) и на востоке (в горах Пинда, откуда открывался проход к долинам Фессалии и Фракии), — в надежде получить поддержку русских пехотных корпусов, которые к тому времени вполне могли форсировать Дунай⁶³. Эти горные области служили оплотом антитурецких восстаний еще со времени греческой революции 1821 г., позволяя партизанским отрядам маневрировать, а ведение войсковых операций турками в подобных условиях чаще всего было неэффективным.

На помощь русской армии рассчитывали и руководители революционных комитетов в Валахии и Молдавии, собиравшие отряды греческих добровольцев на Дунае, чтобы «действовать в помощь Эпиру, Фессалии и Македонии — своим воюющим соплеменникам»⁶⁴. Один из руководителей «Центрального комитета» в Яссах И. Влассопулос еще в августе 1853 г. убеждал соратника из Бухареста Левендиса: «Поймите всю величину сегодняшних политических событий — времени лучше, чем сейчас, грекам никогда не представится, для того чтобы осуществить эту великую идею»⁶⁵. Влассопулос считал, что греки «не должны предавать святыне интересов нашей горячо любимой Родины, ожидая, что по окончании войны нам выдадут кусочек земли наших предков, а нужно обнажить меч нашей революции с пятнами крови и показать защитникам варваризма и абсолютизма, что вместе с нашими русскими братьями мы решим этот великий Восточный вопрос, возвысив флаг с крестом над минаретами Святой Софии»⁶⁶.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 29. Д. 21. Ч. 1. Л. 84.

⁵⁸ Δημήτρης Φωτιάδης, Η Έξωση του Όθωνα, Πολιτικές και Λογιστικές Εκδόσεις 1965. σελ. 228–241.

⁵⁹ Политический отдел. О восстании христиан на Востоке. Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с высочайшего соизволения Н. Путиловым. СПб., 1855. Том 1. С. 389–390.

⁶⁰ Предводителя греческого вооруженного отряда, подвластного туркам.

⁶¹ Καρατάσος Διμήτριος Τσάμις (греч. Καρτάσος Δημήτριος Τσάμις; 1798–1861) — участник греческого освободительного движения. Сын Анастасиоса Каратассоса. Во время Греческой войны за независимость (1821–1829) участвовал во многих сражениях вместе с отцом. Затем был адъютантом короля Оттона, наместником Аргоса. Возглавлял антитурецкие восстания в Македонии в 1841 и 1854 гг.

⁶² Хаджипетрос (Хаджипетрос) Христодуλος (греч. Χατζηπέτρος Χριστόδουλος; 1794–1863) — участник Греческой войны за независимость, генерал-майор армии Греческого королевства. Во время Крымской войны возглавил экспедицию и восстание против осман в Фессалии. После поражения восстания в июне 1854 г. ушел на территорию Греческого королевства, где был встречен приграничным населением как герой.

⁶³ Большая часть греческого генералитета (Г. Гривас, К. Цавеллос, Х. Хаджипетрос, Л. Заikos, включая министра военных дел, эпириота М. Спиномилиоса) присоединилась к восставшим.

⁶⁴ Απομνημονεύματα της Ελληνικής Φάλαγγος / Νικολάου Α' (αυτοκράτορος πασών των Ρωσσιών), εκδοθέντα υπό Τριανταφύλλου Ι. Γκαλιούρη (Αημνίου). Απομνημονεύματα της Ελληνικής Φάλαγγος, σελ. 13.

⁶⁵ Τα την Ελληνικήν Λεγεώνα του αυτοκράτορος Νικολάου Α' την κατά το 1853, εν Μολδοβλαχία συστήθεισαν αφορώντα / υπό Κ. Ράμφου, σελ. 5–6.

⁶⁶ Там же.

Во время нахождения Хрисовери в Санкт-Петербурге его соратники по «Братству благовещенных» активизировали деятельность в Греции, о чем позволяют судить публикации в иностранной (см. выше) и греческой печати. Член «Братства», профессор философии Афинского университета Неофит Вамвас развернул агитацию среди интеллигенции и студентов⁶⁷. 9 февраля он распространил воззвание, в котором призывал молодых людей «взяться за оружие». Его первая статья, опубликованная в газете «Эон» 27 января 1854 г., заканчивалась фразой: «Объедини, Господь, навсегда греков и укрепи Николая Великого, да прославится имя твое во всем мире». В февральской статье говорилось: «Разразилась вторая война за веру и свободу всей греческой нации, поднято знамя святого Креста, на котором начертано: “Свобода или Смерть”... Свобода и вера хотят обвенчать нашу борьбу с греческой империей. Господь справедлив!»⁶⁸. Под давлением правительства, опасавшегося негативной реакции со стороны посольств стран Запада, Н. Вамвас подал в отставку, и получил ее тотчас же⁶⁹. Такая деятельность Вамваса и его коллег принесла плоды: 4 (16) февраля 1854 г. «до 300 студентов Афинского университета,

уроженцев турецко-христианских областей, уволились... и, получив благословение от афинского епископа, в полночь отправились из Афин на судах в Воло и Фессалоники»⁷⁰.

В переломные для Греции 1853–1854 гг. Хрисовери и его соратники рассчитывали, что в условиях противостояния России и Западной Европы греки смогут реализовать свои планы по воссоединению под эгидой и при военной поддержке российских войск. После того, как русская армия была вынуждена покинуть Дунайские княжества, балканский фронт в этой войне перестал существовать. Как свидетельствует исторический опыт, этот театр военных действий «был всегда опорой освободительных выступлений балканских народов, да и важнейшим фактором осуществления их чаяний»⁷¹. Греческие добровольцы, в чьих рядах было много представителей революционных организаций, сражались на стороне России на Дунае и в Крыму во время героической осады Севастополя. В их числе был А. Хрисовери и его товарищи, о чем говорится в справке III Отделения, подготовленной в ноябре 1865 г. («известно, что он состоял в Греческом легионе и озаменовал себя храбростью в военных действиях»⁷²).

Список литературы:

1. Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. II. Приложения. СПб., 1912; Т. II. Ч. 1, 2. СПб., 1913.
2. Керемезли И. Турецкая оборона на Дунайском театре военных действий (1853–1854) // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2009.
3. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. Великий спор. М., 2001;
4. Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990.
5. Петров А. Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 гг. Т. II. СПб., 1890.
6. Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.). Балканские исследования. Вып. 11. М., 1989.
7. Тарле Е. В. Крымская война. М., 1950. Т. 1.
8. Jelavich B. Russia's Balkan Entanglements, 1806–1914. Cambridge, 1991.
9. Jomini A. Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, 1852–1856, par un ancien diplomate. Paris, 1874.
10. Reid J. J. Crisis of the Ottoman Empire: prelude to collapse 1839–1878. Stuttgart, 2000;
11. Αν. Γούδας, Βίοι Παράλληλοι, Τ. 1 Κλήρος, Εν Αθήναις, 1869.
12. Βασίλειος Σφυρόερας. «Н «Αδελφότης των Ευαγγελιζομένων», μυστική επαναστατική οργάνωση του 1849», Επιστημονική Επετηρίδα Φιλοσοφικής Σχολής Πανεπιστημίου Αθηνών, 1972–1973.
13. Δημήτρης Φωτιάδης, Η Εξωση του Όθωνα, Πολιτικές και Λογοτεχνικές Εκδόσεις, 1965.

⁶⁷ Νεόφυτος Βάμβας// Αν. Γούδας, Βίοι Παράλληλοι, Τ. 1 Κλήρος, Εν Αθήναις, 1869. σελ. 311.

⁶⁸ Παпуλιδος С. Отношение греков к России в период Крымской войны (1853–1856 гг.) // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.). Балканские исследования. Вып. 11. М., 1989. С. 92.

⁶⁹ Сборник известий, относящихся до настоящей войны... С. 372.

⁷⁰ Одесский вестник. 1854. № 21. 25 марта; Σφυρόερας Β. «Н «Αδελφότης των Ευαγγελιζομένων», μυστική επαναστατική Οργάνωσις του 1849», Επιστημονική Επετηρίς της Φιλοσοφικής Σχολής του Πανεπιστημίου Αθηνών, τ. ΚΓ', 1972–1973. σελ. 218, 230–231.

⁷¹ Международные отношения на Балканах. С. 290–291.

⁷² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 29. Д. 21. Ч. 1. Л. 99–100.

14. Δημήτριος, Καραμπερόπουλος, «Ήταν τελικά ο Ρήγας εκδότης του «Αγαθάγγελου». Εκδοση Επιστημονικής Εταιρείας Μελέτης Φερών-Βελεστίνου-Ρήγα. Αθήνα, 2009.
15. Νικόλαος Α', Αυτοκράτορας της Ρωσίας, 1796–1855. Απομνημονεύματα της Ελληνικής Φάλαγγος / Νικολάου Α' (αυτοκράτορας πασών των Ρωσσιών), εκδοθέντα υπό Τριανταφύλλου Ι. Γκαλιούρη (Λημνίου). Εν Αθήναις: Εκ του Τυπογραφείου Νικήτα Πάσσαρη, 1865.
16. Ράμφος, Κωνσταντίνος. Τα την Ελληνικήν Λεγεώνα του αυτοκράτορος Νικολάου Α' την κατά το 1853, εν Μολδοβλαχία συστηθείσαν αφορώντα / υπό Κ. Ράμφου. Εν Αθήναις: Εκ του Τυπογραφείου Δημητρίου Συλλιβριώτου, 1867.
17. Στέφανος Π. Παπαγεωργίου, Απο το Γένος στο Έθνος 1821–1862, Αθήνα, 2004.
18. Χρυσοβέργης, Αριστείδης. Ιστορία της ελληνικής λεγεώνας: ολίγα λέξεις περί του σώματος των εθελοντών Ελλήνων και μετά ταύτα ελληνική λεγεών αυτοκράτορος Νικολάου του Πρώτου, ιστορική διήγησις/ συνταχθείσα υπό του συνταγματάρχου του αυτοκρ. στρατού Αριστείδου Χρυσοβέργη. Εν Οδησσώ, 1882.
19. Χρυσοβέργης, Αριστείδης. Η Ελληνική Επανάστασις / Βιβλίον συνταχθέν υπό Αριστείδου Χρυσοβέργη υπολοχαγού. Εν Ερμούπολει Σύρου: Τύποις Γεωργίου Μελισταγούς Μακεδόνος, 1853.

References (transliteration):

1. Zajonchkovskij A. M. Vostochnaja vojna 1853–1856 gg. v svjazi s sovremennoj ej politicheskoj obstanovkoj. T. II. Prilozhenija. SPb., 1912; T. II. Ch. 1, 2. SPb., 1913.
2. Keremezli I. Tureckaja oborona na Dunajskom teatre voennyh dejstvij (1853–1854) // Russkij sbornik. Issledovanija po istorii Rossii. M., 2009.
3. Leont'ev K. N. Vizantizm i slavjanstvo. Velikij spor. M., 2001.
4. Mezhdunarodnye otnoshenija na Balkanah. 1830–1856 gg. M., 1990.
5. Petrov A. N. Vojna Rossii s Turciej. Dunajskaja kampanija 1853 i 1854 gg. T. II. SPb., 1890.
6. Politicheskie, obwestvennye i kul'turnye svjazi narodov SSSR i Grecii (XIX–XX vv.). Balkanskije issledovanija. Vyp. 11. M., 1989.
7. Tarle E. V. Krymskaja vojna. M., 1950. T. 1.
8. Jelavich B. Russia's Balkan Entanglements, 1806–1914. Cambridge, 1991.
9. Jomini A. Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, 1852–1856, par un ancien diplomate. Paris, 1874.
10. Reid J. J. Crisis of the Ottoman Empire: prelude to collapse 1839–1878. Stuttgart, 2000.
11. Αν. Γούδας, Βίοι Παράλληλοι, Τ.1 Κλήρος, Εν Αθήναις, 1869.
12. Βασίλειος Σφυρόερας. «Η «Αδελφότης των Ευαγγελιζομένων», μυστική επαναστατική οργάνωση του 1849», Επιστημονική Επετηρίδα Φιλοσοφικής Σχολής Πανεπιστημίου Αθηνών, 1972–1973.
13. Δημήτρης Φωτιάδης, Η Εξωση του Όθωνα, Πολιτικές και Λογοτεχνικές Εκδόσεις, 1965.
14. Δημήτριος, Καραμπερόπουλος, «Ήταν τελικά ο Ρήγας εκδότης του «Αγαθάγγελου». Εκδοση Επιστημονικής Εταιρείας Μελέτης Φερών-Βελεστίνου-Ρήγα. Αθήνα, 2009.
15. Νικόλαος Α', Αυτοκράτορας της Ρωσίας, 1796–1855. Απομνημονεύματα της Ελληνικής Φάλαγγος / Νικολάου Α' (αυτοκράτορας πασών των Ρωσσιών), εκδοθέντα υπό Τριανταφύλλου Ι. Γκαλιούρη (Λημνίου). Εν Αθήναις: Εκ του Τυπογραφείου Νικήτα Πάσσαρη, 1865.
16. Ράμφος, Κωνσταντίνος. Τα την Ελληνικήν Λεγεώνα του αυτοκράτορος Νικολάου Α' την κατά το 1853, εν Μολδοβλαχία συστηθείσαν αφορώντα / υπό Κ. Ράμφου. Εν Αθήναις: Εκ του Τυπογραφείου Δημητρίου Συλλιβριώτου, 1867.
17. Στέφανος Π. Παπαγεωργίου, Απο το Γένος στο Έθνος 1821–1862, Αθήνα, 2004.
18. Χρυσοβέργης, Αριστείδης. Ιστορία της ελληνικής λεγεώνας: ολίγα λέξεις περί του σώματος των εθελοντών Ελλήνων και μετά ταύτα ελληνική λεγεών αυτοκράτορος Νικολάου του Πρώτου, ιστορική διήγησις/ συνταχθείσα υπό του συνταγματάρχου του αυτοκρ. στρατού Αριστείδου Χρυσοβέργη. Εν Οδησσώ, 1882.
19. Χρυσοβέργης, Αριστείδης. Η Ελληνική Επανάστασις / Βιβλίον συνταχθέν υπό Αριστείδου Χρυσοβέργη υπολοχαγού. Εν Ερμούπολει Σύρου: Τύποις Γεωργίου Μελισταγούς Μακεδόνος, 1853.